
ЛАБОРАТОРНАЯ МОДЕЛЬ АНТРОПОГЕНЕЗА?

Интервью с З. А. Зориной

– *Насколько отчетливо фиксируется у «говорящих» антропидов способность использовать местоимение «я»? Или все-таки обезьяна говорит о себе исключительно в третьем лице, называя свое имя?*

– Этот вопрос изучен неполно и нуждается в дальнейшем анализе. Во всяком случае, в работах классиков он освещен недостаточно. Не очень понятно, например, как обезьянам объясняли и как они усваивали каждый из этих знаков. В тех примерах, которые приводятся, обезьяны чаще всего употребляют сразу оба варианта («я» Уошо). Видимо, для авторов было важнее всего выяснить, понимают ли обезьяны разницу между *Я* и *Ты* (*Мне* и *Тебе*). Именно на этом они делают акцент и доказывают, что эту разницу обезьяны улавливают четко. Возможно, более внимательное чтение ранних работ позволит выявить дополнительный материал на этот счет. Есть определенный шанс, что авторы вернуться к данному вопросу в новых работах, где они анализируют старый материал под другим углом зрения.

– *Мы видим, что испытуемые научаются «вербально» лгать, шутить, формировать простейшие метафоры («огурец – зеленый банан») и задавать вопросы. А способны ли они задавать «глупые» вопросы? Например, спросив: «Как это называется?», – допытываться: «Почему этот предмет называется так, а вон тот – так?» Зафиксированы ли такие эпизоды?*

– Нет, обезьяны ведут разговоры относительно вполне конкретных утилитарных вещей, и ничего похожего на упомянутые ситуации авторы не приводят. Скорее всего, для исследователей была неожиданной уже их способность задавать «умные» вопросы, например о названии того или иного предмета. Следующего уровня любознательности (почему так называется) – уровня «глупых» вопросов – обезьяны не обнаружили.

– *Считаете ли Вы, что этот впечатляющий эксперимент представляет собой лабораторную модель антропогенеза? Ставят ли так вопрос сами авторы?*

– Я полагаю, что «лабораторная модель антропогенеза» – это слишком громко сказано, потому что антропогенез – явление многосложное, включающее массу разных процессов. Было бы корректнее и осторожнее сказать, что «говорящие» шимпанзе (и остальные «заговорившие» высшие обезьяны) – это некая «действующая модель» нашего предка, общего с человекообразными обезьянами. Его мозг был гораздо меньше, чем у современного человека, но многие особенности человеческой структуры уже были заложены и представлены у современных высших обезьян. В частности, у них есть главные речевые зоны (Вернике и Брока), а также соединяющий их пучок нервных волокон. Эти данные, полученные уже к 1960-м годам московскими нейроморфологами (Г. И. Поляков, С. М. Блинков, Е. П. Кононова, Ю. Г. Шевченко), разрушили представление о наличии чисто человеческих (речевых и некоторых других) структур коры. Однако американским исследователям эти советские работы не были известны, так что велосипед изобретали заново, правда, с использованием ряда современных методов. С учетом этих данных С. Сэвидж-Рамбо, которой удалось дальше остальных проникнуть в языковое поведение высших обезьян, обобщая результаты своих работ с бонобо, «говорившими» с помощью лексиграмм и понимавшими звучащую речь человека, писала в 1993 году, что «если мозг шимпанзе наделен речевыми структурами и способен их активизировать в соответствующих условиях, то можно предположить, что последний общий предок человека и шимпанзе тоже имел эти структуры. Тогда и непосредственные предшественники человека – *Homo australopithecus* и *Homo erectus* – тоже могли иметь зачатки языка».